

ЭРА. Мне что, жалко тарелку супу... мне вас, балбесов, жалко. Классики. (Смеется.) Ну на кой хрен ты мне сдался с книжками этими? Вкусно?

ЧЕХОВ. Вкусно.

ЭРА. По бороде течет. Ешь нормально. Как там тебя?

ЧЕХОВ (ест). Антон Павлович Чехов.

ЭРА. Ты не обижайся, Антон Павлович, я же серьезный человек. (Смотрит на Чехова.) Знаешь что, шел бы ты на стройку, а? Мужская работа.

ЧЕХОВ. Подумаю.

ЭРА. Худой, как веревка. Вас там, в библиотеке, что, не кормят?

ЧЕХОВ (глядит в опустевшую тарелку, вздыхает). Пустое (Встает, поправляет пенсне.) Весьма благодарен. Пора.

ЭРА (смотрит на ноги писателя). Ой-шеньки мои! — В летних ботиночках шлындает! На-ка вот, завтра стужа будет. (Дает войлочные боты.)

ЧЕХОВ (надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется). Прощайте.

ЭРА. Вот что — Зайди к соседям. Они любят всякие книжки. Глядишь — помогут.

Чехов исчезает. Эра удивленно смотрит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Спустя неделю. Вечер. В квартиру входят Эра Николаевна и Чехов. В руках Чехова связки книг — полное собрание сочинений.

ЭРА. Совести совсем нет у людей. Скоко тебе можно шарашиться по подъездам, а? Прогоди, что ли.

Чехов положил книги, раздевается.

Куда в обуви?! Разувайся... тапочки для дела. Знаешь что. Иди-ка ты в ванну. Умойся. Вот тебе полотенце и свежее мыло. Там

ЧЕХОВ. А умеете пуговицы глотать?

ЭРА. Зачем?

ЧЕХОВ. Умеете?

ЭРА. Не-е-е.

ЧЕХОВ. Смотрите (Берет пуговицу, глотает.) Могу еще. (Глотает.) Еще ...

ЭРА. Все. Хватит.

Пауза

А знаешь, как метро?

ЧЕХОВ. Это как?

ЭРА (встает во весь свой рост, двигает руками, издает звуки). У-у-у-у Чух-чух-чух-чух...

ЧЕХОВ. Гениально!

Пауза

ЭРА. Вот времена настали. Известные писатели под забором ночуют.

ЧЕХОВ. Да. Библиотеку закрыли.

ЭРА. Беспризорник?

ЧЕХОВ. Выходит, так.

Пауза

ЭРА. Слушай, Чехов, ты случайно не в Бородулино родился?

ЧЕХОВ. Нет.

ЭРА. Жаль. А то земляки были бы. (Пауза.) У меня сестра Тамара тоже стихи сочиняла разные.

ЧЕХОВ. А вы?

ЭРА. Что я?

ЧЕХОВ. Пишете что-нибудь?

Пауза

ЭРА. Пишу.

ЧЕХОВ. И что?

Пауза

ЭРА. Воспоминания.

Пауза

ЧЕХОВ. Любопытно.

ЭРА. Да чего там.

ЧЕХОВ. Почитайте.

тит, глядит, жмурится в темноту.

ЭРА. Трудно?

СТАРИК. Обидно. "Царство Божие внутри нас". А где? То ли в печенке, то ли в желудке. Могло и рассосаться.

ЭРА. Кто?

СТАРИК. Царство.

ЭРА. Ну, пройдите тогда.

Старик садится.

СТАРИК. Как живется вам, народ русский?

ЭРА. Всяко.

СТАРИК. Конец света?

ЭРА. Где?

СТАРИК. Обижают?

ЭРА. А всех мужиков сильней.

СТАРИК. Позвольте представиться... Граф Лев Николаевич Толстой. Великий русский писатель. Родился в двадцать восьмом, а помер в десятом по старому стилю.

ЭРА. Великий, значит?

ТОЛСТОЙ. Говорят.

ЭРА. Бессмертный?

ТОЛСТОЙ. Увы.

Смотрят друг на друга.

Сделайте одолжение, пожарьте мне яшенку.

ЭРА. Горе мне с вами чистое!!! (Вздыхает, уходит на кухню.)

ТОЛСТОЙ. В большом пятимиллионном городе читают книги два человека. Да и те, один — по слогам, другой — по буквам. Тьма Египетская! Плебейство! Зато все писатели. Пять миллионов. Зачем столько?! Писатель Сусленко чужих книг не читает. Он умный и важный, как Тамерлан Великий, ходит в чужом пиджаке, курит дешевые сигары, и режет колбасу на Святом Писании. (Эра Николаевна ставит сковородку.)

вати, глядит, жмурится в темноту.

ЭРА. Слышь...

ТОЛСТОЙ. Что?

ЭРА. А если у тебя бороду отрезать, что будет?

ТОЛСТОЙ. Ничего не будет.

ЭРА. А если у писателя борода маленькая? Это плохо?

ТОЛСТОЙ. Плохо.

Пауза. Эра Николаевна мечтательно смотрит в темноту. Раскладушка замолчала.

ЭРА. Секс и книги толстенные (Пауза.) Книжки. И какую же надо башку иметь, чтоб придумать столько. Антон Паавлович и Лев Николаевич — бессмертные писатели. Интересно. И зачем они сочиняли всякое разное? (Улыбается, глядит в потолок, засыпает сладко.)

Тишина. Слышен громкий храп. Эра открыла глаза, слушает.

Храпит?! (Испуганно смотрит на раскладушку.) Как человек — храпит!

Храп усиливается. Эра возмущенно:

О-о-о! О-О... Еще громче!

Храп усиливается, задремавшая Эра ложечка в стакане.

ЭРА (изумленно). Еще... (Закрывает голову подушкой, честно пытается заснуть, не получается, Эра Николаевна возмущена и подавлена.) Писатели... Писатели... писатели не могут спать! (Встает, берет ножницы, осторожно подходит, отстригает Льву Толстому бороду.)

Дикий вопль.

(Окончание на стр. 10-11)